

И. В. Базиленко

ТЕГЕРАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ 1829 г. В ИСТОРИИ РОССИЙСКО-ИРАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В статье рассматриваются проблемные вопросы, связанные с различными трактовками погрома и гибели российской миссии А. С. Грибоедова в Иране в 1829 г. Автор полагает, что случившаяся трагедия была вызвана рядом различных, в том числе внешних, факторов. Особое внимание уделено деятельности некоторых британских официальных представителей в Иране в рассматриваемый период. Эта деятельность была нацелена на сокращение влияния России в регионе после подписания Туркманчайского договора. Автор приходит к выводу, что убийство А. С. Грибоедова и его спутников имело большое значение для последующего курса всей внешней политики России.

Ключевые слова: Россия, А. С. Грибоедов, Иран, Великобритания, российско-иранские отношения.

По прошествии многих лет со дня убийства А. С. Грибоедова (1790–1829) и сотрудников его миссии в Иране приходится признать, что, несмотря на многочисленные исследования современных зарубежных специалистов (Mirsky D., Lang D., Costello D., Harden E., Rayfield D., Kelly L., Bayley J., Jones M. V., Andreeva E., Katouzian H., Ellison J.), в этой трагедии остается немало невыясненных обстоятельств, касающихся роли англичан и шиитского духовенства.

Фабульная сторона тегеранской трагедии вкратце сводится к следующим основным фактам. После завершения российско-иранской войны 1826–1828 гг. А. С. Грибоедов составил Туркманчайский мирный договор, текст которого был лично доставлен им в Санкт-Петербург в марте 1828 г. В апреле 1828 г. он был назначен послом в Иран в ранге полномочного министра-резидента. По пути на место назначения Грибоедов провел несколько месяцев в Тифлисе, где женился на княжне Н. А. Чавчавадзе (1812–1857).

Российское посольство во главе с А. С. Грибоедовым прибыло в Иран осенью 1828 г. Основная резиденция посольства находилась в Тебризе, откуда посол выезжал в Тегеран для встреч с Фатх-Али-шахом Каджаром (1798–1834). В январе 1829 г. Грибоедов вел тяжелые переговоры в Тегеране с шахом и его сановниками. После прощальной аудиенции, в ходе которой Грибоедов требовал выплаты оставшейся части иранского долга и представил Фатх-Али-шаху списки находившихся в Иране лиц, которых надлежало вернуть России, в его временную резиденцию прибежали две женщины из гарема первого министра и зятя шаха Аллаха-Йар-хана, а затем — второй евнух шахского гарема, казначей и главный хранитель драгоценных камней иранского монарха армянин Мирза Йакуб (Маркарян). Они просили посла отправить их на родину, ставшую после окончания войны частью Российской империи. Грибоедов знал, что покровительство им может иметь опасные последствия. Иранцы не допускали мысли, что под статью 13 Туркманчайского трактата могли попасть их временные жены, наложницы и евнухи, которые считались личной собственностью владельцев. Мирза Йакуб, попавший в плен к иранцам в 1804 г., ослепленный и обращенный в ислам, успешно торговал, был богат, влиятелен и знал много тайн шахского двора. Первоначально он явился к Грибоедову ночью, и посол

Игорь Вадимович Базиленко — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института восточных рукописей РАН, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, профессор Санкт-Петербургской духовной академии (bazilenko@mail.ru).

отказал ему во встрече. Придя на следующий день, мирза Йакуб отказался покинуть миссию. После беседы Грибоедов принял всех беглецов под свое покровительство и укрыл на территории российской резиденции.

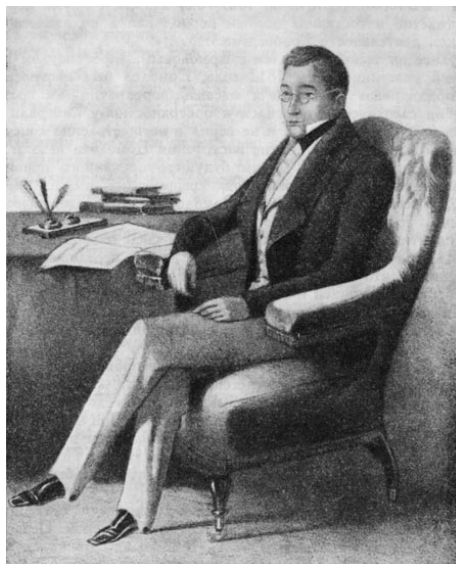
Ответными действиями иранцев стали арест всего имущества мирзы Йакуба и визиты в резиденцию посла с требованием выдать беглого евнуха. Последнего обвинили в попытке покинуть страну, чтобы не платить долг шахской казне. Это не изменило решения Грибоедова, заявившего, что русский посол своего объявленного покровительства отменить не может.

В мечетях и на базарах Тегерана было объявлено, что русский посланник и его подчиненные дерзко нарушают законы ислама и предписания шариата. Социально и укладно неорганизованные слои тегеранского населения (в Иране их называют *луты*) восприняли призыв столичного духовного авторитета муджтахид хаджи мирзы Масиха (Моси, Муса) Астарабади напасть на российскую миссию и сурово покарать оскорбителей иранских традиций.

11 февраля 1829 г. толпа, возглавляемая муллами и людьми Аллах-Йар-хана, ворвалась на территорию миссии, убила мирзу Йакуба и вернула двух женщин хозяйину. Затем многократно увеличившаяся и вооружившаяся толпа напала на дом, где остановился посол и члены миссии (7 членов посольства, 16 казаков, 30 человек прислуги). А. С. Грибоедов принял мученическую смерть с оружием в руках. Он был изрублен до такой степени, что опознать его тело смогли только с большим трудом. Во время нападения весь казачий конвой с честью выполнил свой последний воинский долг и был растерзан толпой. Из всей миссии спаслись лишь первый секретарь миссии И. С. Мальцов (1807–1880) и двое его слуг.

Шах был предупрежден о готовящемся нападении толпы на посольство, но должных мер для охраны предпринято не было. Тело Грибоедова было доставлено в Тифлис и после отпевания похоронено на горе Мтацминда.

Причины, которые привели к мученической гибели русского посла и его сотрудников, можно условно разделить на не зависящие от воли Грибоедова и на связанные с предшествующей чередой событий, на которые Александр Сергеевич оказал непосредственное личное влияние. К числу первых представляется возможным отнести инструкции и прямые указания могущественного вице-канцлера и министра иностранных дел России графа К. В. Нессельроде (1780–1862), которые А. С. Грибоедов должен был неукоснительно исполнять. Особенно трудными для исполнения были требования Нессельроде по выплате иранской стороной тяжелой контрибуции, наложенной страной-победительницей на побежденную страну-агрессора. Иран был разорен двумя проигранными войнами, средств на выплату контрибуции не было. Чрезвычайные налоги с податного населения, введенные шахом и наследником престола, доводили население до грани нищеты и крайне озлобляли иранцев против русских представителей, собиравших контрибуционные платежи. Будучи осведомленным о безденежье шаха, К. В. Нессельроде, тем не менее, не соглашался на отсрочку выплаты долга, о чем писал А. С. Грибоедову от 1 мая 1828 г.¹

Акварель П. А. Каратыгина (1805–1879), лично знавшего А. С. Грибоедова

¹ Цит. по: Берже А. П. А. С. Грибоедов. Деятельность его как дипломата (1827–1829) // Русская старина. СПб., 1874. Т. II. С. 521.

К. В. Нессельроде

Сообщая Нессельроде о приезде в Тебриз в начале октября 1828 г. и о любезном приеме, оказанном ему наследником Фатх Али-шаха — Аббасом-мирзой, А. С. Грибоедов писал в ответ: «Но, несмотря на всю эту предупредительность, как только речь заходит о делах, начинаются затруднения... Уплата 8 курура еще очень далека от осуществления, и дело это представляет неразрешимые затруднения. <...> Верно то, что страна до крайности обеднела и отягощена налогами; так что когда подлежащий подати народ не мог уже ничего доставить сборщикам доходов, Аббас мирза отдал нам в заклад все свои драгоценности; его двор, его жены отдали даже бриллиантовые пуговицы со своих платьев. Словом, крайность выше всякого описания. <...> Аббас мирза велел расплавить в слитки превосходные золотые канделябры и разные вещи из гарема, одна работа которых стоит столько же, сколько самый металл; это распоряжение явно доказывает

безденежье шаха. <...> Я не предвижу выкупа вещей Аббас мирзой, так как он положительно не имеет денег; разве мы согласимся вместо денег принять на ту же сумму хлопчатой бумаги, шелку и драгоценные вещи»².

Своему родственнику графу И. Ф. Паскевичу Грибоедов открыто признавался, что занимается вымогательством денег у иранцев. Он дальновидно предлагал ослабить на них финансовое давление в расчете на совместные военные действия против Османской империи во время продолжавшейся очередной российско-турецкой войны, свидетельствовал о внутренней нестабильности в стране и падении авторитета центральной власти: «Я совершенно согласен с мнением в. с., что, если еще продлится война, можно бы склонить Аббаса мирзу вполне в нашу пользу; но в таком случае не надобно преследовать его нашими денежными претензиями»³.

Очевидно, что Грибоедов рассчитывал на помощь И. Ф. Паскевича в деле убеждения К. В. Нессельроде, которого он еще перед отъездом из Санкт-Петербурга просил об отсрочке выплаты контрибуции, но получил категорический отказ. Последующие инструкции из Санкт-Петербурга не менялись и не могли измениться с учетом личного характера и умонастроений опытного министра иностранных дел, многолетняя деятельность которого на высоком посту зачастую не отвечала государственным интересам Российской империи⁴.

² Из донесения А. С. Грибоедова из Тебриза графу К. В. Нессельроде от 20 октября 1828 г. Цит. по: Там же. С. 751–756.

³ Из донесения А. С. Грибоедова из Тебриза графу И. Ф. Паскевичу от 10 ноября 1828 г. Цит. по: Там же. С. 764–765.

⁴ Карл Васильевич Нессельроде (Карл-Роберт фон Нессельроде-Эрестгофен) родился 13 декабря 1780 г. в Лиссабоне (Португалия). Его отец, граф Максимилиан-Вильгельм-Карл Нессельроде (1724–1810), немец-каголик, пять раз менявший подданство, служил дипломатом в Австрии, Голландии, Франции, Пруссии и в России; был русским посланником в Португалии. Мать, баронесса Луиза Гонтар (Luisa Gontard, †1785), была иудейкой, принявшей протестантизм или католичество. К. В. Нессельроде тоже был протестантом, плохо говорил по-русски и обладал посредственными дипломатическими способностями. Тем не менее, он в течение почти 40 лет руководил внешней политикой России (1816–1856). К. В. Нессельроде считается одним из виновников дипломатической изоляции и поражения России в Крымской войне 1853–1856 гг. На Дальнем Востоке противодействовал Е. В. Путятину (1803–1883) и Г. И. Невельскому (1813–1876), опасаясь разрыва с Китаем и неудовольствия Европы, в особенности англичан. Предлагал признать бассейн Амура принадлежащим Китаю и отказаться от него навсегда (см.: *Вандам А. Е. Наше положение* (1912). СПб., Наука, 2009). К. В. Нессельроде и его жена М. Д. Нессельроде (Гурьева, 1786–1849) приобрели печальную известность ввиду своих многочисленных интриг против национально ориентированных русских государственных деятелей, литераторов, военных. С К. В. Нессельроде традиционно связывают перевод А. С. Пушкина на юг

Транспортировка контрибуции через хребет Каflan-Кух

К числу немаловажных обстоятельств, которые вместе с другими могли привести к печальному исходу миссии А. С. Грибоедова, стоит отнести возмущение и негодование иранцев по поводу отсутствия привычных и положенных по этикету подарков со стороны российского правительства. На иранской земле россияне везде встречали подарками, а посольство ничем не отдаривалось. Российские подарки были странным образом задержаны в Астрахани, а затем отправлены по Каспию без надлежащего надзора и прибыли в другой порт. Все объяснения подарков не заменяли, и скоро в Иране распространились вести о жадности русского посла, его крайней спеси, высокомерии, неуважении к традициям и пр. Даже во время последних визитов к иранским сановникам и прощальной аудиенции у шаха Грибоедова одаривали, а он не имел возможности ответить аналогичным образом, дарил только бывшие при нем платиновые монеты. Шах просил отсрочки выплаты контрибуции, указывая на невозможность сделать это немедленно. Грибоедов по требованию Нессельроде настаивал, а в ответ слышал новые просьбы. Иранское руководство, очевидно, полагало, что отсутствие российских даров можно было отчасти заменить уступчивостью и сговорчивостью Грибоедова в особо щекотливых вопросах российско-иранских отношений. Этого, как известно, не произошло, в том числе и потому, что Нессельроде требовал от посланника неукоснительного исполнения своих инструкций.

К причинам субъективного характера следует отнести поверхностный подбор кадров российской миссии. Ввиду спешного брака Александра Сергеевича в Тифлисе ему пришлось включить в состав своего посольства родственников и знакомых влиятельного тестя — областного начальника и командующего войсками в Эриванской

в канцелярию известного масона генерала И. Н. Инзова (1768–1845), исключение со службы и высылку в с. Михайловское. Супруга Нессельроде покровительствовала Л. Геккерну (1792–1884) и Ж. Дантесу (1812–1895); современники считали ее автором анонимных писем в адрес А. С. Пушкина и инициатором создания пасквильного «диплома» рогоносца, который привел к фатальной дуэли.

Подсчет и передача контрибуционных платежей в Тебризе

провинции князя А. Г. Чавчавадзе (1786–1846). Карательные экспедиции Каджаров в Грузию были свежи в их памяти и, оказавшись в свите посла победившей в войне страны, грузины и армяне старались отплатить иранцам той же монетой, вели себя как завоеватели на оккупированной территории. Грибоедов мог и не знать об этом, но иранцы считали, что тифлисские грузины и армяне действуют с ведома посла, и это еще усиливало негативное к нему отношение.

К погрому российской миссии могли иметь прямое отношение некоторые сотрудники британской миссии, которые, по мнению И. Ф. Паскевича, всячески противодействовали активной деятельности А. С. Грибоедова, отстаивавшего интересы России в Иране⁵.

Присоединение Грузии к России в значительной степени должно было оживить торговлю с Ираном. Но российской торговле сильно вредила конкуренция со стороны подданных Великобритании. Помимо старинной караванной дороги Трапезунд – Тавриз конкуренты прибегали в широких размерах к транзиту товаров через Закавказье. Только из Трапезунда они ежегодно отправляли в Иран 5½ тысяч выюков текстильных изделий и на 5½ млн рублей сахара и рома. Уже в 1819–1821 гг. в Грибоедов видел, что британские подданные снова мало-помалу становятся хозяевами на персидском рынке, что их торговые обычаи и капитал снова завоевывают в регионе безраздельное господство. Со стороны Грибоедова – как представителя российских интересов в Иране – такая монополия ожидаемо не встретила благожелательной реакции. Еще в 1820 г. А. С. Грибоедов занимался организацией крупного русского общества по транзитной торговле с Ираном совместно с Жан-Пьер-Теодором (впоследствии Фёдор Петрович) Этье (Гетье, 1795–1846), А. В. Всеволожским (1793–1864) и Н. В. Всеволожским (1799–1862). Спустя несколько лет и уже в ином качестве Грибоедов вернулся к идее ограничения экономической экспансии англичан.

⁵ Кузнецова Н. А. Иран в первой половине XIX века. М., 1983. С. 242. Прим.132.

В июле 1828 г. в соавторстве с начальником казенной экспедиции Верховного Грузинского правительства П. Д. Завилейским (1800–1843) А. С. Грибоедов составил «Проект учреждения Российской Закавказской компании», который подал в сентябре 1828 г. И. Ф. Паскевичу к официальному рассмотрению. Согласно глобальным планам нового посла, вышеназванная компания получала право на практически самостоятельное ведение внешней политики, собственный дипломатический корпус, порт Батуми, монопольное использование полезных ископаемых и людских ресурсов в Закавказье, освобождение от всех податей и налогов на полвека вперед и пр. С учетом брака А. С. Грибоедова и Н. А. Чавчавадзе проект предусматривал преимущественное развитие Закавказского региона в интересах местных предпринимателей и торговцев. Очень скоро подробное содержание замыслов Грибоедова и Завилейского стало общеизвестно. Практически всем стало очевидно, что в случае реализации задуманного Российская Закавказская компания сможет навсегда прекратить любую деятельность всеисильной британской Ост-Индской компании на Среднем Востоке. Именно этот проект вызвал острое противодействие у британских подданных Монтейта и Костелло⁶, о чем свидетельствовал русский посол в одном из своих последних писем⁷ из Тегерана.

Ряд советских исследователей, изучавших документы о погроме российской миссии, пришли к выводу, что трагедия походила скорее на преднамеренное убийство А. С. Грибоедова⁸.

Известна и не подвергается сомнению исследователями особая роль отдельных представителей шиитского духовенства, благословивших тегеранский погром. Англичане довольно рано осознали возможности использования исламского фактора в политической борьбе на Ближнем и Среднем Востоке. С начала XIX в. они широко практиковали в Иране систему подкупов и денежных субсидий для нейтрализации своих потенциальных противников и мобилизации возможных союзников в среде шиитских духовных авторитетных лиц, в том числе и для активного противостояния России, для организации «антирусских выступлений в стране»⁹.

Тегеранский муджтахид хаджи мирза Масих, призвавший свою паству не выполнять условия Туркманчайского мира, не отпускать в Россию, а убивать отрекшихся от ислама неофитов, благословивший нападение на русскую миссию, был первым среди тех, для кого британский посол Дж. Макдональд (John Kinneir Macdonald, 1782–1830) просил у своего правительства средств на подарки¹⁰. Характерной деталью является факт убийства толпой тегеранцев даже тех россиян, которые предприняли попытку укрыться во время погрома на территории английской резиденции¹¹. При этом никто из англичан или прислуги не пострадал, поскольку британское представительство в полном составе организовано покинуло столицу Ирана накануне.

⁶ Монтейт, или Монтеис (Monteith), Уильям (1790–1864) — британский офицер индийских колониальных войск, входивший в посольство Джона Малькольма в 1810 г., и оставшийся в Иране для выполнения специальных заданий. Воевал на стороне Ирана против России в войнах 1804–1813 и 1826–1828 гг. в качестве командира передового отряда кавалерии, был серьезно ранен, на дипломатической службе в составе британской миссии отстаивал интересы Ост-Индской компании. Его покровителем был секретарь британской миссии Харфорд Джонс Бриджес (Sir Harford Jones-Brydges, 1764–1847), бывший чрезвычайный посол Великобритании при дворе Фатх-Али-шаха в 1807–1811 гг. Монтейт покинул Иран в октябре 1829 г. Костелло, или Кастелла (Castella) — французский предприниматель, владелец шелковой мануфактуры в Тифлисе. Скоропостижно скончался 29 ноября 1828 г. Их совместный с Монтейтом проект противостоял проекту Российской Закавказской компании.

⁷ Письмо А. С. Грибоедова Дж. Макдональду (около 24 января 1829 г.) // *Грибоедов А. С. Сочинения*. М., 1988. С. 147.

⁸ *Балаян Б. П. Международные отношения Ирана в 1813–1828 гг.* Ереван, 1967. С. 244–255.

⁹ *Кузнецова Н. А. Иран в первой половине XIX века...* С. 164–165.

¹⁰ *Исмаил Раин. Хокукбегиран-е инглис дар Иран (Английские соержанцы в Иране)*. Тегеран, 1969. С. 180 (на перс. яз.).

¹¹ *Кузнецова Н. А. Иран в первой половине XIX века...* С. 62.

По воспоминаниям лейб-медика Фатх-Али-шаха Дж. Мак-Нила (Мак-Нейль; John McNeill, 1795–1883), даже лошади и конская упряжь россиян, находившиеся в конюшни британской миссии во время погрома, были похищены якобы неуправляемыми разъяренными иранцами, которые при этом «не нанесли малейшего ущерба ни единой вещи, являвшейся британской собственностью»¹². Незаурядная личность и известный авторитет доктора Мак-Нила не дают оснований считать вышеприведенные слова из его опубликованных мемуаров недооценкой опасности для европейцев в условиях беспрецедентного нарушения иранцами права беста¹³. Все это свидетельствует лишь о том, что определенные сотрудники британской миссии, находясь за тысячи миль от своего отечества в азиатской стране, имели твердые гарантии личной и имущественной неприкосновенности в условиях массовых беспорядков и кровавых расправ. Эти гарантии они могли получить либо от высшего руководства Ирана, либо от тех, кто непосредственно осуществлял жесткое и регламентированное руководство «неуправляемой» толпой погромщиков и убийц.

Попытки современных англоязычных (европейских и североамериканских) исследователей и рецензентов снять с сотрудников британской миссии в Иране все обвинения и подозрения по делу А. С. Грибоедова понятны и сводятся к двум основным сентенциям: 1. у русского посла были очень хорошие отношения с англичанами, которые преимущественно играли роль миротворцев в российско-иранских отношениях; 2. главной причиной погрома было показное систематическое нарушение придворного этикета, надменное и хамское отношение русского посла к шаху, министрам и народонаселению Ирана. В качестве возражения можно заметить лишь то, что: 1. традиция русских послов отходить от некоторых норм иранского придворного этикета, начало которой было положено еще при Аббасе Великом (1587–1629), никогда ранее не приводила к погромам и гибели русских посольств¹⁴; 2. следует признать, что не всегда и не все британские подданные трудились на благо российско-иранских отношений¹⁵, да и Грибоедов, как известно, был дружен далеко не со всеми английскими дипломатами и агентами¹⁶.

Представители Великобритании и Ост-Индской компании в Иране действительно пытались посредничать в российско-иранских переговорах. Но не по причине альтруизма или особой любви к русским или иранцам. Престиж Каджаров после проигранных войн был чрезвычайно низок. Часть населения активно сотрудничала с российскими

¹² *MacAlister, F. Memoir of the Right Hon. Sir John McNeill G. C.B. and of his second wife Elizabeth Wilson by their Grand-Daughter. L., 1910. P. 128.*

¹³ Право беста (от персидского глагола «бастан» — «закрывать, запрещать, связывать») — право убежища, традиционное иранское правило строгой неприкосновенности лиц, находящихся на территории святых мест (мечети, мазары и пр.), шахского дворца, официальных иностранных представительств.

¹⁴ А. П. Ермолов, возглавлявший посольство в 1817 г., как известно, вел себя гораздо более твердо и прямолинейно по отношению к тому же Фатх-Али-шаху, Аббасу-мирзе и иранским сановникам. Однако его поведение не увенчалось трагедией для посольства и даже не стало причиной особого недовольствия иранской стороны. Подробно см.: [Ермолов А. П.] Журнал посольства в Персию генерала А. П. Ермолова // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских. СПб., 1863. Кн. 2.

¹⁵ В 1810 г., когда были прерваны мирные переговоры между Россией и Ираном, лорд Дж. Каннинг (George Canning, 1770–1827) писал чрезвычайному британскому послу Харфорду Джонсу: «Вы можете гордиться тем, что выполнили очень важную задачу, предотвратив мир или перемирие между Россией и Ираном». Цит. по: Штейнберг Е. Л. История британской агрессии на Среднем Востоке (от французской буржуазной революции до второй мировой войны). М., 1951. С. 15.

¹⁶ Грибоедов был в хороших отношениях с английскими дипломатами, считавшими возможным проведение совместной британо-русской политики на Среднем Востоке. Однако зачастую сотрудники британской миссии, представлявшие интересы Ост-Индской торговой компании, ставили интересы этой компании выше государственных интересов Великобритании, не говоря уже об интересах англо-русского сотрудничества на Востоке.

Внутренний двор армянской церкви св. Татевоса в Тегеране близ Казвинских ворот, с братской могилой погибших 11 февраля 1829 г.

представителями и приветствовала приход русских войск¹⁷. Региональное руководство и население территорий, занятых российской армией, проявляло определенное желание присоединиться к Российской империи, в т. ч. и надеясь избежать тягостных поборов по выплате контрибуции, которая была поставлена условием вывода войск России из Ирана. В отсутствие средств у шаха англичане выступили гарантами по иранским обязательствам¹⁸ с тем, чтобы Россия поскорее отвела войска и ослабила свое преобладающее влияние в стратегически важном для Великобритании регионе. По словам француза Б. Семино (1797–1852), находившегося в это время на иранской военной службе¹⁹, англичане «извлекают выгоды из всего, что может им доставить влияние при дворе»²⁰.

В письме своей соотечественнице Луизе де ла Мариньер (Loiuse de la Marinière) Семино упоминает о том, что первоначально находился в Иране на службе у англичан, а потом перешел на службу в иранскую армию, и подробно рассказывает о настоятельных попытках англичан привлечь его к работе в Ост-Индской компании обещаниями высокого жалования при занятии сразу двух должностей: помощника инженера-географа и «атташе Британской миссии в звании переводчика восточных языков»²¹. Любопытно, что это письменное предложение, от которого Семино отказался, поступило от известного противника планов А. С. Грибоедова полковника У. Монтейта, а передал его один из вероятных вдохновителей убийства Грибоедова²²

¹⁷ Таких лиц было немало, и шахское прощение им составило специальную статью (ст. XV) Туркманчайского договора.

¹⁸ См.: Оперативные записки, составленные Грибоедовым для Паскевича во время Дей-Карганской конференции // Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор». URL: http://feb-web.ru/feb/griboed/texts/varia/mjas_30.htm/ (дата обращения: 02.09.2017).

¹⁹ Ранее служивший капитаном в армии Наполеона Бартеlemi Семино (Semino Barthélemy, 1797–1852), приехал в Иран якобы для свидания со своей соотечественницей г-жей Луизой де ла Мариньер (Loiuse de la Marinière), поступил на иранскую военную службу, став начальником инженеров, артиллерии и адъютантом Аббас-мирзы. Всего, начиная с 1824 г., в Иране провел около четверти века.

²⁰ Семино Б. Письмо Луизе де ла Мариньер от 9 июля 1827 г. Перевод части рукописи Semino «Копия одного из моих собственных писем». АВ ИВР РАН. Фонд 17. Опись 1. С. 17. (В Архиве востоковедов ИВР РАН в Санкт-Петербурге хранится часть неизданных записок Б. Семино. В разные годы ими занимались В. А. Жуковский и Ю. Е. Борщевский).

²¹ Там же. С. 17 об.

²² Ср.: «For instance, in 1829 he was probably one of the instigators of the murder of Alexander Griboedov by Persian mob in Teheran» («Википедия». URL: [http://en.wikipedia.org/wiki/John_McNeill_\(diplomat\)](http://en.wikipedia.org/wiki/John_McNeill_(diplomat))) (дата обращения: 03.09.2017).

вышеупомянутый доктор Дж. Мак-Нил²³. Благоприятный ответ на специальный запрос Монтейта по поводу вербовки Семино был дан из Бомбея.

Действия британцев после тегеранской резни были немиротворческими и недружественными по отношению к России. Сразу после гибели российской миссии Фатх-Али-шах по совету англичан приказал наследнику престола и главнокомандующему Аббас-мирзе выплатить солдатам деньги, собранные для уплаты контрибуции России, и готовиться к войне с русскими. Турки подбивали Иран на новую войну с Россией, тем более что британские «миротворцы» обещали шаху оружие и деньги на эту совместную ирано-турецкую военную кампанию против русских²⁴. В этой связи определенный интерес представляют донесения И. С. Мальцова, который первоначально обвинял в происшедшей трагедии шаха, англичан и подкупленных ими иранских вельмож (прежде всего нового каим-макама Абу-ль-Касима и муджтахид хаджи мирузу Масиха²⁵), и лишь затем «холодная струя благоразумной осторожности» увлекла его до обвинения Грибоедова в излишнем усердии²⁶.

Обстоятельства спасения самого Мальцова запутаны и «украшены» противоречивыми подробностями о том, что преданные люди: а) завернули его в ковер; б) спрятали в куче угля; в) помогли заблаговременно перебраться по крышам в жилище местного хана, находившегося с Мальцовым в приятельских отношениях; г) живший по соседству местный хан, привязавшийся к русскому секретарю, узнав об опасности, вызвал Мальцева и его двух слуг в день катастрофы к себе и укрыл во время резни; д) получив от него 200 червонцев, препятствовали погромщикам ворваться в убежище на первом дворе миссии, объясняя у дверей, что это помещение шахского чиновника Назар-Али-хана, который приставлен новым каим-макамом Абу-ль-Касимом к посольству (версия самого И. С. Мальцева, изложенная в донесении К. В. Нессельроде). Когда стемнело, к дому, где прятался Мальцев, доставил их, переодетыми в форму солдат иранской армии, во дворец принца Зилл ас-Султана²⁷. Это чудесное спасение секретаря и его двух слуг при поголовном истреблении всех остальных членов миссии и казачьего конвоя впоследствии вызвало немало толков и пересудов в российском обществе.

После тегеранской трагедии главнокомандующий российской армией и наместник царя на Кавказе граф И. Ф. Паскевич оказался в трудном положении. Вопиющее нарушение международного права и престиж великой России требовали справедливого возмездия. Паскевич осознавал, что новая война России с Ираном при незаконченной войне с Турцией едва ли будет успешной, поскольку русских войск в Закавказье не хватало для войны на два фронта. В новых закавказских владениях России было неспокойно; множились слухи о том, что сторонник Ирана грузинский царевич Александр с войском собирается опаривать законную власть; в Грузии вспыхнули беспорядки из-за неумелой попытки мобилизовать население для службы в местной милиции и т. п.

²³ Семино Б. Письмо Луизе де ла Мариньер от 9 июля 1827 г. Перевод части рукописи Semino «Копия одного из моих собственных писем». АВ ИВР РАН. Фонд 17. Опись 1. С. 17 об. Мак-Нил был автором анонимного русофобского памфлета «Progress and Present Position of Russia in the East» (Л., 1836. Переиздано в 1838 г.). Обновленное и дополненное издание на английском и французском было опубликовано там же во время Крымской войны в 1854 г.

²⁴ Кузнецова Н. А. Иран в первой половине XIX века... С. 63.

²⁵ Донесение И. С. Мальцова К. В. Нессельроде от 25 марта 1829 г. // Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы. М., 1995. С. 149–150.

²⁶ Малышинский А. Н. Подлинное дело о смерти Грибоедова // Русский вестник. 1890. Июнь. С. 16.

²⁷ Али-хан Зилл ас-Султан, десятый сын Фатх-Али-шаха Каджара (1210 (1795–96) – 1271 (1854–55)), с 1232 (1816–17) по 1250 (1834–35) г. был правителем Тегерана. После смерти отца, как и большинство остальных 59 сыновей Фатх-Али-шаха, стал претендовать на престол, провозгласил себя государем и правил под именем Адель-шаха четыре дня до прибытия законного престолонаследника Мухаммада-мирзы в Тегеран. См.: Махди Вамдад. Шарх-е хал-е реджал-е Иран дар горун-е 12 ва 13 ва 14 хеджри. Т. 2. Тегеран, 1969. С. 381–384.

Необходимые контакты с Аббас-мирзой и получение информации из Ирана в этот сложный период совершенно прекратились из-за того, что, уstraшенный англичанами, российский консул в Тебризе А. К. Амбургер (1794–1830) после известия о гибели Грибоедова самовольно покинул место службы и бежал в Нахичевань. Таким образом, произошел полный разрыв российско-иранских дипломатических отношений.

Аббас-мирза отправил в Тифлис к Паскевичу тайного гонца — сотника иранской армии (юз-баши) Али с просьбой дать совет, как выйти из непростого положения, в котором оказался наследник престола. Это обращение за советом к заместнику царя на Кавказе выглядит логичным, если учесть, что права Аббас-мирзы как законного престолонаследника российский император обязался поддерживать согласно ст. VII Туркманчайского трактата.

Используя различные каналы, в том числе и отправку князя М. Ф. Кудашева (1805–1847) с секретным поручением к Аббас-мирзе, Паскевич пытался убедить иранского главнокомандующего начать войну против Турции на стороне России вопреки воле англичан, с тем чтобы иранской кровью на поле брани искупить смерть Грибоедова, делом доказать приверженность России и непричастность иранских властей к тегеранской трагедии, о которой последние не уставали говорить.

Возможный успех переговоров встревожил К. В. Нессельроде, который настаивал на осторожном обхождении с англичанами и даже старался уверить Паскевича, вопреки очевидности, что на них наговаривают армяне и другие «азиатские интриганы» с явным намерением посеять раздор между Россией и Великобританией²⁸.

Министр иностранных дел, впоследствии государственный канцлер, высоко оценил И. С. Мальцова, который после встречи с Фатх-Али-шахом покинул столицу с Макдональдом, сопровождавшим его до Тебриза.

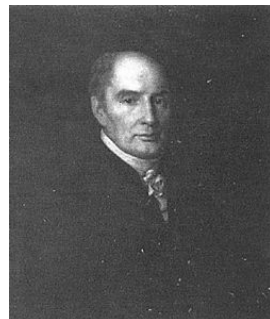
9 мая 1829 г. высочайшим указом «во внимание к примерному усердию и благородию, оказанным во время возмущения в Тегеране», Мальцов, отказавшийся от обвинений в адрес англичан, был награжден орденом Св. Владимира II степени, а 10 ноября 1830 г. еще одним высочайшим указом «во внимание к благородию, оказанному как после убийства статского советника Грибоедова во время возмущения в Тегеране, так и при отправлении должности генерального консула, всемиловитейше пожалован, по засвидетельствованию генерал-фельдмаршала графа И. Ф. Паскевича-Эриванского, кавалером ордена Св. Анны II степени»²⁹.

Аббас-мирза первоначально предполагал ограничиться направлением в Россию своего переводчика мирзы Мас'уда для принесения извинений российскому императору. Нессельроде был готов принять его в качестве посла, но Паскевич с этим не согласился. Он задержал переводчика в Тифлисе, и Аббас-мирза был вынужден начать переговоры об отправке в Санкт-Петербург одного из своих сыновей³⁰.

²⁸ Неизданное письмо графа К. В. Нессельроде к И. Ф. Паскевичу-Эриванскому от 11 мая 1829 г. Сообщ. А. П. М. / Страничка из истории наших сношений с Персией в 1829 г. // Исторический вестник. 1890. Т. 39. № 1. С. 223.

²⁹ В 1833 г. образованное с участием И. С. Мальцова и его дяди «Закавказское общество» занималось стекольным делом в Закавказье, поставляло в Иран, Среднюю Азию и Закавказье стеклянные изделия. В июне 1834 г. Мальцов был пожалован в звание камергера, в мае 1835 г. назначен членом Общего присутствия Азиатского департамента, затем членом совета Министерства иностранных дел и пожалован в звание действительного тайного советника. Несколько раз он заменял Нессельроде на посту министра иностранных дел. Летом 1835 г. И. С. Мальцов состоял при К. В. Нессельроде во время пребывания Николая I за границей. К середине XIX в. ему принадлежала половина всей выпускаемой российской стекольной и хрустальной продукции. Детей у Мальцова не было и его многомиллионное состояние досталось племяннику жены Ю. С. Нецаеву (1834–1913).

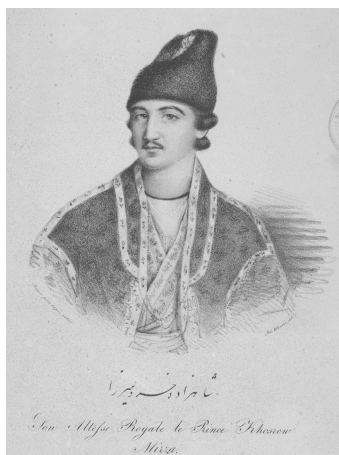
³⁰ Балаян Б. П. Кровь на алмазе «Шах»: Трагедия А. С. Грибоедова. Ереван, 1983. С. 151.

И. С. Мальцов

10 апреля 1829 г. Паскевич вновь отправил в Тебриз своего адъютанта Кудашева с письмами к Аббас-мирзе, в одном из которых писал: «...Примите благой и дружественный совет, не заставляйте Россию поднять оружие против Персии, не забудьте слов из моего прошлого письма: „С Турцией Россия не может делать все, чего желает, ибо держава сия нужна необходимо для поддержания равновесия политической системы Европы. Персия нужна только выгод Ост-Индской купеческой компании, и Европе равнодушно, кто управляет сим краем. Все Ваше политическое существование в руках Ваших; вся надежда Ваша в России: она одна может вас свергнуть, она одна может Вас поддержать“»³¹.

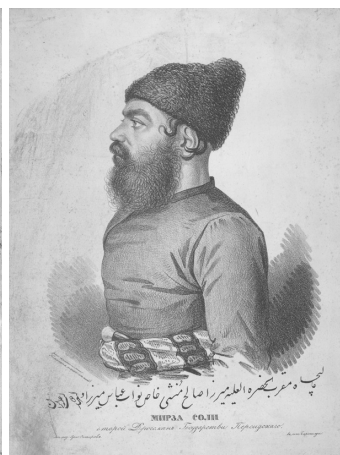
Британские дипломаты активно противодействовали отправке миссии внука Фатх-Али-шаха Хосров-мирзы (1813–1875) в Россию. Они запугивали Иран возможностью предстоящего разрыва с Турцией, угрожали лишить Аббас-мирзу своей поддержки, обещая оказать ее политическому противнику престолонаследника — наместнику Ширази Хусайн-Али-мирзе³².

Принц Хосров-мирза — сын престолонаследника Аббас-мирзы и глава иранской «искупительной миссии»³³

Мирза Хусайн-Али-бег Афгани — наставник Хосров-мирзы и член «искупительной миссии»³⁴

Мирза Салех Ширази — личный секретарь престолонаследника Аббас-мирзы³⁵ и член «искупительной миссии»³⁶

11 августа 1829 г. российский император встретил Хосров-мирзу в Георгиевском зале, и по окончании аудиенции Николай I произнес историческую фразу: «Я предаю

³¹ АВПРИ. Ф. «СПб. Гл. Архив», 1829. Оп. 8. Д. 13. Ч. 11. Л. 184. Также см.: РГИА. Ф. 1018. Оп. 2. Д. 407. Л. 2–3.

³² Иранские власти под давлением англичан активно готовились к войне с Россией даже после отправки миссии Хосрова-мирзы в апреле 1829 г. И. С. Мальцов в донесении И. Ф. Паскевичу от 4 июня писал, что «Оттоманская Порты предлагает персиянам деньги и оружие», а «англичане присылают в подарок персиянам 5 т. ружей и 7 пушек». См.: АКАК. Тифлис, 1878. Т. 7. С. 702–703.

³³ АВ ИВР РАН. Фотоматериалы. Фото 097_С_7 рисунка принца Хосров-мирзы.

³⁴ АВ ИВР РАН. Фотоматериалы. Фото 066_В_155 рисунка мирзы Хусайн-Али-бега Афгани.

³⁵ Так он атрибутирован на персидском языке. На русском языке назван «второй Драгоман Государства Персидского». Североамериканский исследователь George A. Bournoutian называет его «иранским посланником в Тбилиси» («Iranian envoy to Tbilisi»). См.: Портал «Encyclopaedia Iranica». URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/khosrow-mirza> (дата обращения: 29.11.2016).

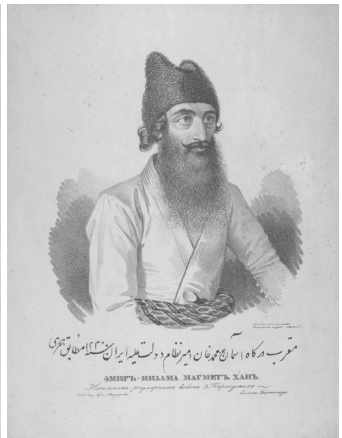
³⁶ АВ ИВР РАН. Фотоматериалы. Фото 064_В_155 литографии рисунка мирзы Салеха Ширази.

Мирза Баба Афшар — главный врач престолонаследника Аббас-мирзы и член «искупительной миссии»³⁷

Мирза Мас'уд Мостоуфи (Гармруди) — приближенный престолонаследника³⁸

Мирза Мухаммад-хан Зангане — командующий иранским регулярным войском и член «искупительной миссии»³⁹

вечному забвению злополучное тегеранское происшествие»⁴⁰. Любопытно, что речь Хосрова-мирзы при переводе на русский язык была существенно изменена. Сопоставление оригинала и перевода позволило Б. П. Балаюну сделать вывод о том, что К. В. Нессельроде сознательно опустил ту часть речи, в которой ответственность за гибель А. С. Грибоедова возлагалась на британское и иранское правительства⁴¹.

По итогам визита Хосров-мирзы российский император отсрочил, а впоследствии совершенно отменил уплату оставшейся части контрибуции для Ирана.

Роль А. С. Грибоедова для истории русско-иранских отношений рассматриваемого периода наиболее объективно, на наш взгляд, охарактеризовал видный русский военный деятель генерал Н. Н. Муравьев-Карский (1793–1867), знавший Александра Сергеевича на протяжении десяти лет по службе на Кавказе. Значение этой характеристики особенно ценно тем, что Муравьев никогда не считался другом Грибоедова, зачастую открыто недолюбливал и весьма невысоко отзывался о его личных моральных качествах⁴².

Алмаз «Шах» весом в 88,7 карата в числе «искупительных подарков» Хосров-мирзы за голову А. С. Грибоедова

³⁷ АВ ИВР РАН. Фотоматериалы. Фото 027_V_155 литографии рисунка мирзы Баба Афшара.

³⁸ Так на персидском языке. На русском он атрибутирован как «Первый Драгоман наследного Принца Персидского Аббаса Мирзы». См.: АВ ИВР РАН. Фотоматериалы. Фото 026_V_155 литографии рисунка мирзы Мас'уда. George A. Bournoutian называет мирзу Мас'уда Гармруди «главным секретарем Аббас-мирзы» («'Abbās Mirzā's chief secretary [monšī]»). См.: Портал «Encyclopaedia Iranica». URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/khosrow-mirza> (дата обращения: 29.11.2016).

³⁹ На персидском языке еще назван «приближенным небесного чертога». См.: АВ ИВР РАН. Фотоматериалы. Фото 026_V_155 литографии рисунка мирзы Мухаммад-хана.

⁴⁰ Балаюн Б. П. Кровь на алмазе «Шах»... С. 160.

⁴¹ Там же.

⁴² Муравьев-Карский Н. Н. Записки // Русский Архив. Историко-литературный сборник. 1894. Вып. 1–4. М., 1894. Вып. 1. С. 43–44.

В словах Муравьева есть намек на то, что А. С. Грибоедову по долгу службы пришлось бороться не только с иностранными противниками, но и с внутренними недругами, деятельность которых на высоких постах зачастую не только не отвечала, но прямо противоречила национальным интересам, препятствовала проведению успешной политики России на Востоке. Последовавшие события в истории российско-иранских отношений показали, что А. С. Грибоедов выиграл эту войну на два фронта, хотя и заплатил за победу своей жизнью и жизнями своих товарищей.

Окидывая ретроспективным взглядом всю многовековую историю российско-иранских отношений, главной заслугой трагически погибшего при исполнении своего долга русского посла, на наш взгляд, стоит признать заключение им уникального по своей значимости Туркманчайского договора 1828 г. Этот мирный договор, сохранивший границы между нашими странами практически без изменений вплоть до распада СССР в 1991 г., был составлен А. С. Грибоедовым настолько искусно, что не только закрепил за Россией все территориальные приобретения и важные привилегии по итогам победоносной войны, но навеки положил конец широкомасштабным вооруженным конфликтам между нашими странами⁴³ и превратился в образец для подражания. Туркманчайский договор стал вызовом и предметом зависти для географически удаленной Великобритании, привыкшей на чужой территории воевать чужими руками и умело использовать российские победы для блага своей финансово-политической элиты⁴⁴.

До тегеранской трагедии российская политика в Иране находилась в значительной зависимости от мнения союзников в Европе.

Неизвестно, вспоминал ли Николай I гибель А. С. Грибоедова, когда в 1832 г. вызвал дипломатический скандал, наотрез отказавшись принять в России британского посла Ч. Стратфорд-Каннинга (1786–1880), но «тегеранское происшествие»⁴⁵ заметно охладило отношения России и Великобритании, а также, вероятно, развеяло некоторые иллюзии заинтересованных лиц относительно возможности проведения согласованной российско-британской политики на Среднем Востоке.

Назначенный в 1832 г. после Н. А. Долгорукого новым российским посланником в Иран в ранге полномочного министра генерал-майор граф И. О. Симонич (1794–1851)⁴⁶ при помощи местных армян и первого секретаря К. К. Боде (1777–1846) в 1836 г. перезахоронил тела погибших членов миссии Грибоедова, которые были свалены в выгребную яму за городом, во дворе армянской церкви св. Татевоса в Тегеране.

Настоятель (с 1995 г.) Свято-Николаевского собора Русской Православной Церкви (Московский Патриархат) в Тегеране архимандрит Александр (Заркешев) долгие годы безуспешно пытался найти место захоронения наших соотечественников по описанию надгробия, установленного стараниями Симонича. Проблема заключалась в том,

⁴³ Показательным примером для сравнения может служить история российско-турецких отношений рассматриваемого периода.

⁴⁴ Едва ли найдется сочинение британского современника описываемых событий, в котором не будет упомянут Туркманчайский договор, который по праву можно назвать «Грибоедовским договором».

⁴⁵ Так убийство полного состава российского посольства в Тегеране охарактеризовал К. В. Нессельроде. См.: Неизданное письмо графа К. В. Нессельроде к И. Ф. Паскевичу-Эриванскому от 11 мая 1829 г... С. 223.

⁴⁶ И. О. Симонич — капитан французской армии, серб, взятый в плен под Красным в 1812 г. Остался в России и поступил на русскую службу. В 1819 г. был послан на Кавказ в чине генерал-майора командиром батальона Грузинского гренадерского полка. Его воспоминания были опубликованы впервые в газете «Москва» (1867. № 145). Переиздание см.: *Симонич И. О. Воспоминания полномочного министра*. М., Наука, 1967. Подлинник записок графа Симонича на французском языке хранится в АВ ИВР РАН (Р-1. Оп. 6. № 1).

Николай I

что в 20–30-е гг. XX в. при реконструкции храмового двора армяне демонтировали надгробие и ограду, а могилу заложили обычной тротуарной плиткой. Благодаря редкой фотографии о. Александр определил точное место захоронения членов грибоедовской миссии, за свой счет изготовил и установил в 2013 г. новую могильную плиту с выбитыми на ней православным крестом и эпитафией.

14 февраля 2014 г., спустя 185 лет после тегеранской резни, о. Александром были совершены чин освящения нового надгробия и заупокойная панихида по приснопамятному российскому посланнику в Персии рабу Божьему Александру и всем иже с ним в Тегеране злодейски убиенным, на которой присутствовали посол Российской Федерации в Исламской Республике Иран (с 2011 г.) Л. С. Джагарян, епископ Тихвинский и Лодейнопольский Мстислав (Дячина), сотрудники российского посольства и представители православной общины Тегерана.

Могильная плита на месте захоронения членов миссии А. С. Грибоедова в Тегеране⁴⁷

Источники и литература

1. Акты, собранные кавказской археографической комиссией (АКАК). Т. 7. Тифлис, 1878.
2. Архив внешней политики Российской Империи (АВПРИ). Ф. «СПБ. Гл. Архив», 1–9, 1828. Оп. 8. Д. 13. Ч. 11.
3. Архив востоковедов ФГБУН ИВР РАН (АВ ИВР РАН). Ф. 17. Описание 1.
4. *Балаян Б. П.* Кровь на алмазе «Шах»: Трагедия А. С. Грибоедова. Ереван, 1983.
5. *Балаян Б. П.* Международные отношения Ирана в 1813–1828 гг. Ереван, 1967.
6. *Берже А. П.* А. С. Грибоедов. Деятельность его как дипломата (1827–1829) // Русская старина. СПб., 1874. Т. II.
7. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы. М.: Международные отношения, 1995.
8. [Гангеблов А. С.] Воспоминания декабриста Александра Семеновича Гангеблова. М.: Университетская типография, 1888.
9. *Грибоедов А. С.* Сочинения. М., 1988.
10. [Ермолов А. П.] Журнал посольства в Персию генерала А. П. Ермолова // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских. СПб., 1863. Кн. 2.
11. *Исмаил Раин.* Хокукбегиран-е инглис дар Иран (Английские соержанцы в Иране). Тегеран, 1969. (на перс. яз.)
12. *Кузнецова Н. А.* Иран в первой половине XIX века. М.: Главная редакция издательства восточной литературы «Наука», 1983.

⁴⁷ Фотография сделана игуменом Александром (Заркешевым) и публикуется с разрешения автора.

13. *Мальшинский А. Н.* Подлинное дело о смерти Грибоедова. Русский вестник. 1890. Июнь.
14. Махди Бамдад. Шарх-е хал-е реджал-е Иран дар горун-е 12 ва 13 ва 14 хеджри. Т. 2. Тегеран, 1969.
15. *Муравьев-Карский Н. Н.* Записки // Русский Архив. Историко-литературный сборник. 1894. Вып. 1–4. М.: Университетская типография, 1894.
16. Неизданное письмо графа К. В. Нессельроде к И. Ф. Паскевичу-Эриванскому от 11 мая 1829 г. Сообщ. А. П. М. / Страничка из истории наших сношений с Персией в 1829 г. // Исторический вестник. 1890. Т. 39. № 1.
17. *Потто В. А.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. 2-е изд. СПб., 1888. Т. 3.
18. *Розанов М.* Персидское посольство в России 1829 года. По бумагам графа П. П. Сухтеленa. Русский архив. СПб., 1889. Кн. 2. № 2.
19. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1018. Оп. 2. Д. 407.
20. Утверждение русского владычества на Кавказе. Под ред. генерал-майора В. А. Потто. Тифлис: Типография штаба Кавказского военного округа, 1908. Т. IV. Ч. 2.
21. *Ушаков Н. И.* История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 гг. СПб., 1836. Т. 2.
22. *Штейнберг Е. Л.* История британской агрессии на Среднем Востоке. М., 1951.
23. *MacAlister F.* Memoir of the Right Hon. Sir John McNeill G. C.B. and of his second wife Elizabeth Wilson by their Grand-Daughter. L., 1910.

Igor Bazilenko. The Tehran Tragedy of 1829 in the History of Russian-Iranian Relation.

The article discusses the existing problems of the different interpretations of the pogrom and murder of Alexander Griboyedov's Imperial Russia's mission in Iran in 1829. The author considers that the tragedy was provoked with various factors including exterior ones. Specific attention is drawn to activity of some British officials in Iran of that period. This activity was aimed to reduce the Russian influence in the region after the Treaty of Turkmenchay. The author acquaints readers with new data from the Archives of Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences and comes to conclusion that the murder of Alexander Griboyedov and his companions in Tehran was very significant for further Russian foreign policy in general.

Keywords: Russia, Alexander Griboyedov, Iran, Great Britain, Russian-Iranian relations.

Igor Vadimovich Bazilenko – Doctor of History, Leading Researcher of The Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences; Full Professor of Saint-Petersburg State University, Professor of Saint-Petersburg Theological Academy (bazilenko@mail.ru).